

— В закусочной напротив клуба Плеханова. Если разрешите, я могу их «взять» без особого труда.

— Нет, не стоит. Спугнем остальных. Следите за Валовым. Если не днем, то ночью он непременно встретится со своими людьми.

Вечером помощник позвонил снова и сообщил, что Валов с юношей вышли от Шостка и пошли на рынок. Оттуда, нагруженные продуктами, они вернулись опять на квартиру Шостка, а около восьми часов вечера вновь ушли от Шостка и направились на улицу Челюскинцев. У Управления Закавказской дороги их встретил молодой блондин.

— Одеты они в черные брюки и рубашки, на ногах спортивной обуви на резине, — говорил мне помощник, — теперь они идут по Плехановскому проспекту в сторону улицы Жореса.

— Идут на «дело». Следуйте за ними, должны появиться еще двое, — ответил я.

Двое. Ну, конечно же, двое еще должны подойти. Если четверо «работают» в квартире, то пятый должен сторожить на улице.

Оперативному уполномоченному я приказал держать наготове людей для ожидаемой операции.

Через некоторое время помощник позвонил опять: трое вернулись назад и идут теперь к вокзалу.

— Если они разойдутся, узнайте непременно адрес «блондина». За Валовым следите в оба! — приказал я.

В полночь помощник сообщил, что «блондина» арестовала на вокзале железнодорожная милиция — он полез в чей-то карман.

Я тотчас же связался с железнодорожниками и попросил их в закрытой машине препроводить ко мне «блондина».

Минут через двадцать он уже сидел у меня.

— Я житель города Киева, по фамилии Варламов, — сообщил он, — мои родители работали на почте, в 1941 году они погибли во время бомбежки города. Остался я сиротой. После изгнания фашистов из города я подался на юг. В Тбилиси приехал сегодня. Денег — ни гроша! Ну и решился — полез в чей-то карман и вытащил часы. Никого у меня нет, и вы меня очень обяжете, если устроите на работу и обеспечите жильем.

— Сколько вам лет?

— Четырнадцать.

— Почему же вы до сих пор не обратились за помощью в надлежащие органы? Разве вам неизвестно, что таких бездомных, как вы, да еще детей, оставшихся сиротами во время войны, мы разыскиваем? — спросил я Варламова.

— Зачем? — спросил он с таким видом, будто впервые слышит об этом.

— Затем, чтобы оказать им помощь, воспитать и сделать их полезными для общества людьми.

— Ах да, я слышал что-то в этом роде, но старался сам стать на ноги.

По виду можно было подумать, что Варламов очень сожалеет о случившемся и о своем положении вообще.

Я притворился, что поверил объяснениям Варламова, обещал через два-три дня выпустить его на свободу и отправил в камеру.

К концу следующего дня дежурный комендант принес мне письмо, написанное на папиросной бумаге, которое Варламов пытался переслать через одного из освобожденных.

Оставшись один, я достал увеличительное стекло и стал читать письмо:

«Алло! Расставшись с вами, я вышел на воспитателя. Приплыла река. Наткнулся на неуклюжую рыбу. С виска снял рыжую мельницу и ушел. На пятаке воспитателя меня заметил Мелитон и прицелился. Теперь я в мелодии. Среди нас кто-то влево чешется. Мне кажется, что в мелодию дует Каин. Зафугасьте. Потушите Фомича, свирель, маслину и молодцов. На чердаке у меня нашли лишь ручку. Меня считают букашкой». В переводе на наш язык это означало:

«Александр! Расставшись с вами, я пошел на вокзал. Прибыл поезд. Наткнулся на мужчину с драгоценностью. Из маленького карманчика брюк вытащил у него золотые часы и ушел. На привокзальной площади меня заметил милиционер и схватил. Сижу сейчас в милиции. Среди нас есть предатель. Думаю, что сведения милиции дает наш хозяин. Убейте. Отмычку, револьвер, пули и набор ключей спрячьте. В верхнем кармане сорочки у меня нашли лезвие. Меня принимают за мелкого карманщика».

Это письмо, написанное на воровском жаргоне, свидетельствовало о том, что Варламов — активный член группы Варлова. Кроме того, ясно было и то, что группа эта занимается не только воровством, она способна и на убийство. Доказательством тому — упомянутые в письме слова «свирель» — револьвер, «маслины» — пули и т. д. Грабеж со взломом, видимо, привычное дело для группы. Под Каином, очевидно, подразумевался Шостк. Варламов не доверял ему, считал предателем. Судя по письму, Варламова арестовали не в тот момент, когда он тащил часы из кармана, а уже на площади, т. е. тогда, когда он благополучно ушел с вокзала, поэтому он считал, что его арестовали по доносу, и почему-то подозревал Шостка.

Убийство тоже, видимо, привычное дело для группы, — в письме очень просто предлагалось убить Каина.

Я долго размышлял, — группа по всем данным опасная.

Утомленный трудным днем, я прилег тут же на диван и хотел было вздремнуть, когда зазвонил телефон. Помощник сообщал:

— Валов с юношей покинули квартиру Шостка. Затем на Боржомской улице они вошли в один двор и вышли оттуда в сопровождении мужчины средних лет с коротко подстриженной бородой. Эта тройка прошла по улице Челюскинцев, вышла на улицу Ленина и там возле памятника Руставели остановилась и долго стояла. Затем все трое направились по проспекту Руставели. Тут с ними встретился какой-то военный с левой рукой на перевязи, с орденами — смуглый, симпатичный молодой человек. «Юноша» бросился на шею военному и долго его целовал. При прощании военный сказал «юноше», чтобы тот повидал его вечером в гостинице «Тбилиси».

— Продолжайте наблюдение. Личность военного я выясню сам.

Скоро я получил нужные сведения насчет «военного»: восемнадцатилетний Дмитрий Вардосанидзе три дня тому назад выписался из госпиталя, где он пролежал четыре месяца после тяжелого ранения.

Далеко за полночь мне сообщили: тройка — Валов, «юноша» и «бородач» — направились в три часа ночи к горе Мтацминда.

Я догадался, что это прелюдия к «делу». Ночь они проведут на горе, а в предрассветный час спустятся в город искать открытые окна. А где же пятый? В квартиру Лолуа влезли четыре человека, не могло быть сомнений, что пятый оставался сторожить на улице. Теперь же один из них задержан, трое направились к горе, а где же пятый? «Возможно, что он присоединится к ним позже в условленном месте», — подумал я. В три часа ночи в сопровождении четырех работников я отправился к подножию Мтацминда и засел там в скверике. С помощником я установил живую связь.

Валов и его товарищи спустились с горы, вышли на Судебную улицу, нашли открытое окно квартиры и стали «примериваться». Валов и «юноша» залезли в окно, «бородач» остался сторожить на улице.

Когда мне доставили эти сведения, я понял, что ошибся — пятого в группе не было и во время ограбления квартиры Лолуа на улице никто не сторожил. Это было очень рискованно для них, но факт налицо — ждать появления пятого соучастника не приходилось, и я вместе с сопровождающими меня незамедлительно отправился в указанное место, чтобы «взять» злоумышленников. Я и мой помощник были в костюмах, без формы. Мы прикинулись пьяными и, горланя и спотыкаясь, пошли прямо на «бородача». Мой помощник держал

во рту папиросу. Он попросил у «бородача» прикурить. Тот полез в карман, достал спички, зажег. Я воспользовался тем, что обе руки его были заняты, приставил к груди револьвер и шепотом приказал молчать. «Бородач» испугался, от неожиданности растерялся. Мы завели его за угол, уложили на землю и вытащили у него из кармана револьвер. Помощника я оставил с ним, а сам побежал к открытому окну. По моему знаку подбежали остальные. Мы засели под окном за воротами.

Из окна выбросили один узел, второй, третий. Мы тащили узлы в укрытие, в темный угол.

Первым выпрыгнул «юноша».

— Артем! — позвал он.

Очевидно, это было имя «бородача».

— Сюда! — шепотом откликнулся я.

Когда он подошел близко, я схватил его за горло, чтоб он не успел крикнуть. Ему завязали руки. Вот и Валов прыгнул, но не успел он приземлиться, как я налетел на него и свалил. Он упал плашмя...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Теперь уже все четыре грабителя были в моих руках. «Ну, а Вардосанидзе? — думал я, возвращаясь с места происшествия в отделение. — Кто он такой, что общего у него с этими бандитами? — Этот вопрос не давал мне покоя. — Возможно, что он просто знакомый или школьный товарищ. Ведь он попросил «юношу» прийти к нему в гостиницу? А тот не пошел. Нет, у Вардосанидзе не может быть ничего общего с этой группой. Но... он, как видно, близко знаком с «юношей» и может знать многое о его прошлом, вообще может многое рассказать...»

Я решил вызвать Вардосанидзе.

На другой день я вышел на работу поздно. У дверей моего кабинета стоял незнакомый мне молодой человек.

Широкую грудь украшал орден Красной Звезды. Левая рука была на перевязи.

«Кажется, Вардосанидзе, — промелькнуло у меня в голове, — но кто же мог его вызвать без моего ведома?»

— Вы кого-нибудь ждете? — обратился я к нему.

— Я жду начальника отделения, — ответил он.

— Вас вызвали?

— Нет. Я пришел по делу. Он очень опоздает?

— Это я. Прошу! — Я открыл дверь и прошел в кабинет.

Он вошел в комнату, смущенно протянул мне руку и представлялся:

— Вардосанидзе, Дмитрий Иосифович... фронтовик...

— Очень рад познакомиться со столь достойным человеком, — сказал я, кивнув на орден на его груди. — Чем могу служить?

— Я собирался сегодня ехать в деревню, чтобы провести там остаток своего отпуска, но неожиданно встретил одного человека, судьба которого меня все эти годы очень беспокоила, и теперь мысль о нем камнем лежит у меня на сердце. — Молодой человек замолчал, нервно забарабанил по столу пальцами.

Я почувствовал, что дело касается арестованного «юноши», — по-видимому, он был предметом заботы Вардосанидзе, — но для меня было непостижимо: каким образом арест группы так молниеносно стал известен?

— Кого вы встретили? И чем я могу помочь?

— Очень многим. Я пришел к вам потому, что надеюсь именно на вас. Я прошу помочь моему другу детства, который пошел по неверному пути. Надо его спасти.

— Ну, что ж! Как вам известно, это входит в мои обязанности.

— Тот, о ком я прошу, — друг моего детства. Он.. — Вардосанидзе, заметно волнуясь, расстегнул воротник и продолжал после минутного молчания: — Мое обращение к вам некоторые товарищи могут расценить как донос, но..

— Донос?! — прервал я смущенного молодого человека, встал и пересел в кресло напротив, чтобы удобнее было смотреть ему в глаза. — Мой дорогой, это учреждение вовсе не служит каким-либо частным интересам узкого круга людей. Оно стоит на страже народного добра и жизни человека. Мы ничего не добьемся одни, если вы все не поможете нам...

— Я понимаю... Правильно... Но это так... между прочим... — Вардосанидзе улыбнулся, смущенно провел рукой по волосам, потом вдруг решительно поднял голову и твердо посмотрел мне в глаза: — Я пришел поговорить с вами о некоем Гиге Хотивари.

— Я вас слушаю, — сказал я и подумал про себя: «Как это удачно, что он пришел сам и не пришлось его вызывать. Он может рассказать много такого, что поможет нам в деле».

— Бандиты затащили Гигу в свою среду... Я и Гига хлебнули столько горя в руках фашистов, что не приходится удивляться, что его прибрали к рукам первые попавшиеся мошенники.

— А вы вот избрали совсем другой путь! — заметил я.

— Представьте себе, что то же самое могло случиться и со мной, если бы я остался у фашистов. Но я спасся чудом. Каким-то чудом мне удалось сбежать, и я попал к партизанам. А Гига после долгих мытарств, голый, босой и голодный

тоже сбежал из лагеря и в поисках куска хлеба пристал к шайке, а потом уже втянулся в это дело. — Вардосанидзе замолчал, задумался и вновь заговорил: — Я и Гига вместе росли на Украине. Мать моя — украинка. Отец, агроном по специальности, учился в Киеве, там женился и поселился на родине матери в деревне Возвышенское. Мать учительствовала, отец работал агрономом. Мать Гиги, врач, Мери Хотивари, жила по соседству с нами. Мери любили и уважали не только в нашем селе, но и во всем районе. Она была хорошим врачом и добрым, отзывчивым человеком, готовым в любую минуту помочь в беде. Уходя на работу, Мери всегда оставляла своего сынишку у нас. Наши любили мальчика, как родного. И Гига, понятно, чувствовал себя у нас, как у себя дома.

— Где же теперь Гига? — спросил я с нетерпением.

— Здесь он, в Тбилиси, — ответил Вардосанидзе, — потому-то я вас и побеспокоил — хочу, чтобы вы вовремя взяли за него.

— Когда вы видели его?

— Вчера. Встретил на улице. Вечером он обещал зайти ко мне, но подвел. Видно, старые товарищи перестали его интересоваться...

— Как же вы его найдете, если он сторонится вас? — спросил я, убедившись, что Вардосанидзе и не подозревает об аресте Гиги и пришел ко мне, искренне желая спасти друга.

Я был горд сознанием своей силы, как хирург, к которому обращаются с просьбой спасти тяжелобольного, беспредельно доверяя мастерству и силе его опытной руки. Ведь душа человека куда нежнее, а этот юноша с умными, доверчивыми глазами просил меня вылечить душу друга.

— Я разыщу его, непременно разыщу! Я приблизительно знаю, где его искать, — ответил Вардосанидзе, — возможно, что он сам придет ко мне сегодня.

— Почему вы так думаете?

— У меня дневник его матери, который я должен ему передать.

— Дневник? А где теперь мать Гиги?

— Где она теперь, я не знаю. Одно время, до моего ранения, я и Мери вместе партизанили. Я вам говорил, что после бегства из лагеря я попал к партизанам. После меня туда же пришла Мери, которая тоже сбежала от фашистов. Я был тяжело ранен, и меня самолетом переправили за линию фронта, на лечение. Вот тогда-то Мери и дала мне свой дневник. «Кто знает, что со мной случится в бою, — сказала она, — может, погибну и не увижу больше сына. Передай ему этот дневник, если встретишь его когда-нибудь».

В дверях показался оперуполномоченный, я подал ему знак войти.

Войдя в комнату, он покосился на Вардосанидзе и попросил разрешения зайти для доклада попозже.

— Ничего, ничего, говорите. Этот молодой человек тоже заинтересован этим делом, — я встал, подошел к письменному столу, с улыбкой поглядывая на Вардосанидзе, который сразу насторожился.

— Согласно вашему заданию, — начал уполномоченный, — я допросил всех трех: обвиняемый Валов признает себя виновным только в ограблении квартиры Месхи на Судебной улице.

— Еще бы! Мы его схватили на самом месте преступления! — воскликнул я.

— Что же касается Хотивари... — Вардосанидзе вздрогнул, услышав эту фамилию, и изумленно посмотрел сначала на меня, а потом на говорящего. Я незаметно улыбнулся и подсел к столу.

— Этот все отрицает, — продолжал уполномоченный, — я его допрашивал и утром, и сейчас. Говорит, что шел по улице и задержан по ошибке, случайно. «В квартире Месхи не был и выпрыгнуть из окна не мог...»

— Насчет Валова и Айдинова что он говорит?

— Говорит, что никогда в жизни их не видел.

Уполномоченный засмеялся, Вардосанидзе, не вытерпев, воскликнул:

— Хотивари... Это случайно не Гига?

— Да, Гига, дорогой мой! Он у нас. Хотивари я допрошу вечером... часам к пяти. Имейте при себе шелковый платочек, найденный на квартире Лолуа, и держите наготове ишейку Молнию, — распорядился я.

Уполномоченный вышел из комнаты.

— Вы рассказывали мне о Гиге, — обратился я к Вардосанидзе, — может быть, продолжим?

— Как я вам уже говорил, я и Гига вместе росли, вместе ходили в школу. Гига учился отлично. Он поражал своими способностями и умом, участвовал во всех кружках и везде был первым. Таким он был, пока мы жили мирно и спокойно.

В ту страшную, памятную ночь, когда фашисты напали на нашу страну, я ночевал у Гиги.

На рассвете нас разбудил страшный грохот. Мы выскочили на улицу. Село пылало, его окутывал едкий дым. Обезумевшие люди беспорядочно метались. Крики женщин и детей, мычание коров, ржание лошадей, протяжный вой собак смешивались с гудением самолетов и грохотом разрывающихся снарядов. Хаты были объаты пламенем, и головешки, как кометы, оставляли за собой огненные хвосты.

Гига, Мери и я лежали во рву. Два часа продолжался этот ужас. Наконец вражеские самолеты ушли, и мы вылезли из рва. Кое-где огонь пожарищ продолжал пылать, местами он потух, черный дым закрывал чуть ли не все небо.

Я бросился бежать домой: ни дома, ни родных.

Никогда мне не забыть слов Мери, когда она подняла меня, плачущего, с земли, у пепелища моего родного дома, и прижала к груди: «Теперь я твоя мать, уйдем отсюда, надо спастись».

Все село устремилось в лес. Мери взяла из дому только одежду, медицинские инструменты, медикаменты, и мы тоже ушли в лес.

В глубине лесной чащи, километрах в двадцати от Возвышенского, стояла хижина моего деда, отца матери. Дедушка Иван растил колхозных породистых свиней, а в личном его владении было около сорока пчелиных ульев.

Мы решили спрятаться у деда Ивана.

Было около восьми часов утра. Мы подходили к лесу. Вдруг в небе появился вражеский самолет. Летчик увидел нас и открыл пулеметный огонь, преграждая нам дорогу.

Мы прижались к земле. Самолет стал кружить вокруг нас. Как только прекращалась стрельба, мы вскакивали и бежали к лесу. Так мы продвинулись шагов на двадцать, когда послышался вой бомбы. Мы опять кинулись наземь. Мери успела прикрыть меня и Гигу. Бомба разорвалась где-то неподалеку. Самолет взял курс на юг. Мери с трудом приподнялась. Лицо ее было искажено от боли. Осколок попал ей в правую ногу, и из раны обильно текла кровь.

Издали, с окраины села, доносился грохот взрывов. Мы кое-как добрались до леса. Мери села под деревом и забинтовала рану. Я и Гига подставили ей плечи, и мы медленным шагом двинулись в путь.

К вечеру мы подошли к дому деда. Мери предупредила нас, чтобы мы не говорили ему о гибели моих родителей. Старик совершенно растерявшийся от неожиданной беды, несказанно обрадовался нам. На его вопрос о дочери и зяте Мери ответила, что они накануне уехали в Киев...

Мери пролежала целый месяц.

Дед, несмотря на свои шестьдесят лет, чувствовал себя довольно бодро, иногда он выходил из лесу, обходил окрестные деревни и приносил новости.

Рана зажила, но Мери стала заметно прихрамывать на правую ногу.

...Однажды к нам в хижину явилось несколько вооруженных людей. Переговорив о чем-то с дедом и Мери, они ушли. С тех пор и дед и Мери по очереди уходили из дому и пропадали на целые сутки. Хотя нас с Гигой в тайну не посвятили,

мы сразу догадались, что дед и Мери связались с партизанами.

В один из сентябрьских дней, когда дедушка Иван ушел из дому, в лесу поднялась стрельба. Мери спрятала нас в яме, объяснив, что это, должно быть, немецкие части наткнулись в лесу на партизан. Стрельба постепенно приближалась, мы уже начали различать слова, произносимые на русском и немецком языках. Перед домиком пробежала группа партизан и следом за ней еще несколько человек. Иногда они останавливались, отстреливались и бежали дальше.

Через некоторое время появились и немцы. Они бежали, не переставая стрелять из автоматов. Стрельба все удалялась от нас и наконец затихла. Мы вылезли из ямы и первым делом побежали осматривать свинарник и улья.

Все было в порядке.

Когда мы возвращались обратно, нам послышались около хижины чьи-то стоны. Мери с топором в руках пошла вокруг дома. Под дубом она увидела раненого молодого фашистского офицера. Иссиня-бледное лицо его было покрыто испариной, глаза закрыты. Рядом с его безжизненно откинутой правой рукой валялся револьвер.

Мери сначала с отвращением посмотрела на раненого, потом, оглядевшись по сторонам, позвала меня и Гигу.

Мы подошли затаив дыхание и уставились на раненого немца. После минутного молчания Мери вдруг положила голову на землю и сказала:

— Помогите мне отнести раненого в дом, ну, побыстрее!

— Тетя Мери! Это же наш враг, немец! — возразил я.

— Он больной, — ответила она, устроявая раненого на своей койке...

На моем письменном столе зазвонил телефон. Меня вызвал начальник.

Я быстро встал и обратился к Вардосанидзе:

— Извините, мне надо идти. Отложим на завтра продолжение вашего рассказа.

— Пожалуйста!

— Надеюсь, вы не забудете захватить с собой дневник матери Гиги.

— Не забуду! Завтра обязательно принесу вам дневник!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К пяти часам вечера из разных камер в зал ввели до десяти заключенных, среди которых были Валов, Варламов, Шостк, Хотивари и «бородач» — Айдинов. Когда я вошел, сидящие на скамье вдоль стены заключенные встали.

Хотивари, сделав вид, что не замечает меня, с усмешкой повернулся к стене и принялся свистеть.

Не обращая на это внимания, я предложил арестованным сесть и направился к ожидающей в углу комнаты собаке.

Предупрежденные заранее заключенные молча сидели на местах и смотрели на собаку, одни с любопытством, другие со страхом или просто с ожиданием.

Оперуполномоченный принес мне шелковый платочек, найденный нами на квартире Лолуа.

— Прежде чем это умное животное покажет нам хозяина, может быть, кто-нибудь из вас сам признается, кому принадлежит этот платочек?

Я развернул платок. Все молчали. Хотивари перестал свистеть и стал смотреть на происходящее, как бы в ожидании забавного развлечения.

Я подал знак приступить к работе.

Оперуполномоченный сел за стол и приготовился писать протокол. Собака быстро обежала всех заключенных и оставилась, открыв пасть и высунув язык, точно задумалась над чем-то. Потом вновь принялась к лежавшему на полу платку, снова пробежала по кругу и внезапно остановилась перед Хотивари. Обнюхала его до пояса, взяла в зубы платок и положила его на колени заключенного. Тот вздрогнул.

Оперуполномоченный записал в протокол фамилию заключенного, в котором ищейка опознала хозяина платка.

Вечером в присутствии оперуполномоченного я начал допрос заключенных.

Первым был вызван Михаил Шостк.

Вначале он было старался притвориться невинным, но, убедившись в том, что мы отлично знаем его прошлое, рассказал о «группе» и о других злоумышленниках все, что знал, все, что слышал, и попросил записать показания в протокол допроса.

— Я глубоко убежден в том, что советское правосудие примет во внимание мое откровенное признание и, как старому уже человеку, разрешит провести на свободе последние дни, — сказал он в заключение.

Морщинистое, желтое лицо скопца, словно опаленные брови и ресницы, рот с ржавыми зубами, узкий лоб, торчащие, как щетина, грубые волосы — весь его облик вызывал отвращение.

И, несмотря на то, что в науке об уголовных преступлениях я совершенно не признаю антропологической школы, глядя на Шостку, я невольно задумался о психофизиологической природе человека.